

У преддверія Іерусалима.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

— Terra sancta!—кричали католики— пилигримы, когда гребцы арабы доставили насъ, въ плоскодонной лодкѣ, къ берегу Иффы. И они падали на колѣни и цѣловали омытую волнами Средиземнаго моря землю. Я смотрѣлъ на нихъ и въ моемъ воображеніи вставали картины крестовыхъ походовъ. Въ наступающихъ сумеркахъ весь берегъ казался усыпаннымъ крестоносцами, я слышалъ лягъ мечей и шумъ морского прибоя словно принесилъ съ собою грозный ропотъ. И особенно грустныя, въ багровомъ отблескѣ умирающаго солнца, пальмы, чудилось, дополнили эту картину. Порывъ морского вѣтра вывелъ меня изъ задумчивости, раскаявъ мой сонъ.

Я вышелъ на прибрежную улицу. Незадолго до поворота ея глухо доносился шумъ волнъ. Темъ и сімъ мелькали стройныя фигуры полудикихъ арабовъ, ихъ хищные, черные глаза пронизывали толпу, точно глаза коршунныхъ, высматривающихъ добычу.

Какой-то негръ притѣлнво уныло улыбался мнѣ своими бѣлыми, смѣющимися зубами...

Море ходило и темѣла его синева. Въ небѣ всплывали, и загорались огнями молнии звѣзды. Набѣгалъ вечеръ и шепелялъ своими темными одеждами, прикрывая ими узкія, крутыя улицы и закоулки грязнаго азіатскаго городка. И весь огъ, съ полудни въ гору, нагроможденными другъ на друга, зданіями загадочно игралъ множествомъ огней и казалось вотъ, вотъ рухнетъ въ море...

Гдѣ-то играла музыка, и въ воздухѣ, тоскливо слышались унылыя звуки арабскихъ мелодій.

Я наткнулся на мечеть, тамъ, принадлежалъ къ землѣ, молились арабы и турки и дико звали мулла. Въ полумракѣ сумрачно бѣбали фонтаны и на камни ихъ падали водяныя струи. Я заглянулъ внутрь мечети, она походила на отороженный кламочекъ азіатскаго пустыни.

Въ наставшемъ вѣтерѣ чувствовалось дыханіе моря, а въ воздухѣ разносился приторный запахъ восточныхъ духовъ. Какой-то арабъ замѣтилъ меня невѣрнаго въ священномъ мѣстѣ и глаза его вспыхнули: но я уже уходилъ, унося въ душѣ тоску.

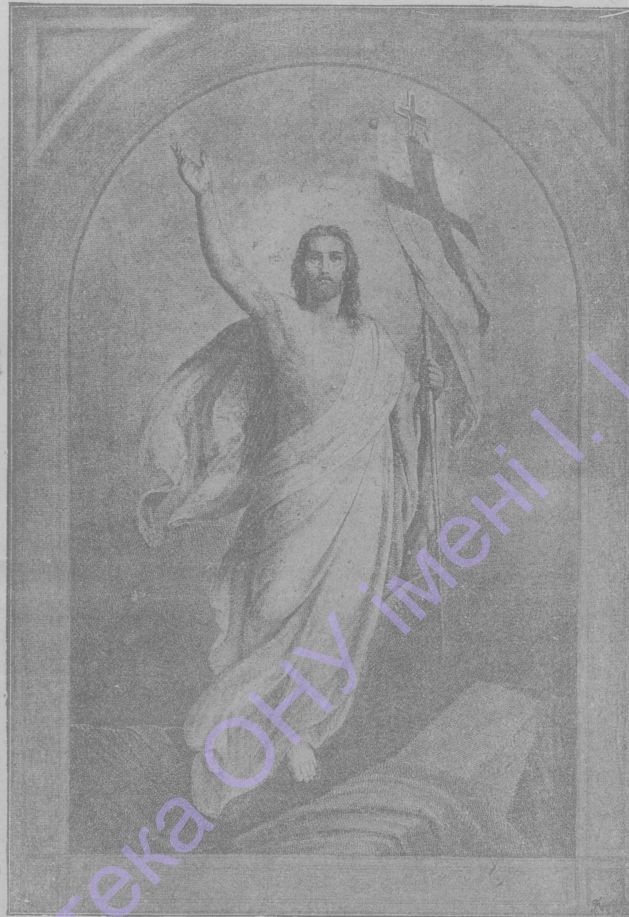
Вечеръ плылъ навстрѣчу ночи. И всюду, куда я шелъ, я видѣлъ арабовъ и турокъ и изображенія полумѣсяца на пожелтѣвшихъ мраморѣ полуразрушенныхъ фонтановъ и мавзолеевъ. И посреди этихъ унылыхъ сѣдцовъ ислама, подъ отдаленной вой шакаловъ, я ощущалъ въ душѣ мучительную жуть.

Культурная жизнь казалась мнѣ давно минувшимъ сномъ. Я вспоминалъ пароходъ, который привезъ мнѣ сюда и видѣлъ его тучеръ посреди моря, обвѣиваемаго холодными морскими вѣтрами. Этотъ пароходъ словно увезилъ отъ меня частіи моей души, ту частіи, которая озаирала ее теплымъ свѣтомъ надежды.

Иногда, когда настала ночь, каждый закоулочекъ глянулъ на меня черной пещерой, и бѣлые минареты поднимались изъ тьмы, точно грозныя призракы вонзелей мечами...

Ужасъ объялъ меня, тосканный страхъ передъ этой ночью, точно неожиданно застигшей меня въ этомъ дикомъ краю. Меня пугала эта мечеть, одна злобные свѣтившаяся въ мракѣ, и я бѣжалъ отъ нея. А за мной въ необъятномъ просторѣ неслась холодное море и шумъ его волнъ глухо звалъ меня.

Свѣтъ фонаря блѣдой тѣлой дрожалъ на большіхъ воротахъ каменнаго дома и будто силался обнять ихъ, а они подражкою сурово терпѣли. И прочиталъ надъ воротами надпись: "Nostris de terra sancta" и вразудъ веревку колокола. Маленькое окошко протрещалось и въ него выглянуло убитанное лицо францисканскаго монаха.

Христосъ Воскресе!

— Усталый путникъ, отворите,—отчаянно закричалъ я.
Увы, окошко захлопнулось...

Я уходилъ за городъ. Навстрѣчу мнѣ тинулся караванъ. Монотонно звучалъ въ почной тиши топотъ переломанныхъ ногъ, ему вторило заунывное пѣніе погонщиковъ-арабовъ. Впереди упознала шоссейная дорога въ Іерусалимъ. Справа—отъ дороги тянулись иффскіе сады. Изъ густой чащи слышались запахи померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Въ воздухѣ словно рѣдкли и плыли легкія, душистыя волны. Верхушки деревьевъ чуть колебались въ меланхолической задумчивости и въ глубинѣ ихъ проносился таинственный шопотъ. Тоска въ душѣ улеглась, се съинда тихая, чарующая сердце грусть. Она, эта грусть, уносила сердце далеко-далеко, за этотъ шепелье листьевъ, за эту почную тьму, почную тишь...

Тамъ, гдѣ-то, въ прекрасномъ, невѣдомомъ далекъ ему грезилось что-то дивно хорошее, блеснувшее, какъ яркій лучъ, который вотъ-вотъ исчезнетъ...

Но скрылись позади деревья и унесли съ собою навѣанный ихъ шопотомъ дивный сонъ.

Съ обѣихъ сторонъ потянулись за мной заплеванные кактусы и уныло повисли ихъ иглстые листья.

Воздухъ все болѣе холодѣлъ. Въ далекіхъ кустахъ загремѣли сверчки. Впереди темѣла пустыня и надъ ней летали едва уловимыя звуки...

Она съ волнчивымъ спокойствіемъ приняла меня и я торжественно ступалъ по ней, прислушиваясь къ шуму своихъ шаговъ, шесту своего платья. Душа поднималась легко и свободно и тихо замрала, обвѣиваемая этой тишиной, усиляемая этимъ ровнымъ необъятнымъ, словно услышаннымъ въ величавыя думы просторомъ...

А тамъ, вдали уже, чуть вырисовывались окутанныя воздушной пеленой горы Ливана и надъ ихъ высотами замерли свѣтлоплывыя и блѣдно золотистыя облака...

Они, эти облака, медленно свѣтлѣли и покрывались крошечныя голубоватыя пятнышки. И чудилось, большіе, ясные глаза скорбно глядѣли оттуда, съ высоты и манили они усталую душу, суля ей блаженство неземнаго покоя...

Я приблизилъ къ одиноко стоявшему францисканскому монастырю и усталый отъ дол-

гой ходьбы постучался въ его двери. Онѣ не скоро отворились, но быстро захлопнулись.

И тутъ-же, у монастырскихъ стѣнъ, я легъ на сырую, холодную землю и прислонилъ голову къ стволу одинокаго дерева.

Я долго не могъ заснуть подъ терзающей душу вой шакаловъ.

Временами мнѣ казалось, что они близки подходить ко мнѣ и эта черная тьма родила ихъ...

Солнце золотило и усыпало изумрудными небомъ, когда я проснулся. И при свѣтѣ солнечнаго сіянія пустыни позавдъ, казалось, саркастически смѣялась, какъ смѣются обнаженные челюсти скелета. А вдали чуть видѣлись горы Ливана...

А. Ловенгардтъ.

Сказка о принцессѣ, которая не могла плакать.

(Съ нѣмецкаго).

Рудольфа Баумбаха.

Сказка о принцессѣ, которая никогда не смѣялась, всѣмъ известна, но вы, читатель, наѣрное не знаете сказки о принцессѣ, которая не могла плакать. Послушайте же ее.

Были однажды король и королева; у нихъ родилась дочь. Дѣвочка была красивѣе, чѣмъ обыкновенно бывають королевскія дочери.

Дити плакало, не переставая, день и ночь. Мамаша ребенка разнервничалась бы отъ такого крику, еслибы въ то время нервы были известны. Докторъ прописалъ дѣвочкѣ репешты и давалъ маленькой принцессѣ массу невкусныхъ лѣкарствъ. Она отъ этого нисколько не успокоилась и продолжала кричать день и ночь.

На правой сторонѣ замка была высокая старинная башня. Въ этой башнѣ жила безобразная старуха, колдунья. Какъ то королева поднялась по винтовой лѣстницѣ къ колдуньѣ и стала умолять ее помочь ей горю.

— Вѣчныя слезы ребенка не даютъ намъ покою ни днемъ, ни ночью, не знаешь-ли ты какого-нибудь средства, чтобы выдѣлчить ее. Весь дворъ въ отчаяніи.

Старуха обѣщала выдѣлчить маленькую принцессу.

Въ полночь, она отправилась въ лѣсъ и вернулась съ полною корзинкой какихъ-то дохлыхъ травъ.

Она передала ихъ утромъ рано королевѣ и велѣла сварить ихъ и выпустить плаксиваго ребенка въ ихъ отварѣ. Не успѣвъ окунуть ребенка въ ванну, какъ онъ сразу успокоился. Дѣвочка стала крепкой, какъ барашекъ. Королева, обрадовавшись, дала колдуньѣ полную пригоршню золота.

Нѣсколько недѣль спустя, по приказанію короля, два жандарма явились въ башню, гдѣ жила колдунья, надѣли ей кандалы на руки и увели ее въ тюрьму.

Ея волшебная палочка и лѣсныя травы были сожжены во дворѣ королевскаго замка въ присутствіи всѣхъ придворныхъ.

— Такъ ей и събудетъ говорить народъ: Ея лѣкарство было слишкомъ сильнымъ.

И, дѣйствительно, королевская дочь, послѣ лѣченія, не могла больше заплакать.

— Это очень невѣрно,—сказалъ придворный астрологъ.—Она вѣдь современемъ будетъ королевой, а королева должна плакать въ торжественныхъ случаяхъ, когда этого требуютъ церемоніаль; если она не заплачетъ, когда слѣдуетъ, то народъ сочтетъ ее безсердечной.

Король призвалъ докторовъ со всего королевства. Они явились съ пиллѣлами, микстурами, порошками, но ничего не помогло; дочь короля не могла плакать.

— Я заставлю ее пролить слезы,—сказалъ главный церемоніймейстеръ,—успокойтесь, ваше величество!

къ и изливалась въ прохладный ручеекъ, пересѣкающей долину. Въ этомъ ручейкѣ играли фореліи, переливаясь на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

Подъ грушей часто сиджалъ старый скульпторъ; онъ вырѣзывалъ изъ ореховаго дерева ручныхъ и дикихъ звѣрей и продавалъ ихъ въ соседнемъ городкѣ. Иногда, въ полдень, маленькій пастушечъ приходилъ и усаживался около стараго Петра (такъ звали скульптора); цѣлыми часами онъ сѣдизъ за ловкими движениями пальцевъ старика, который быстро превращалъ кусокъ дерева въ лошадку, коровку. Мальчишка забывалъ о своемъ стадѣ, слушалъ старика, который рассказывалъ древнія легенды, время шло, иногда спускались сумерки, а они все сидѣли въ тѣни груши и не замѣчали, какъ солнце скрывалось за горой.

Однажды пастушечъ увидѣлъ, что старикъ затѣялъ большую работу. Онъ хотѣлъ изобразить Спасителя на крестѣ. Главная фигура была окончена, оставались еще двѣ боковыя, надъ которыми трудился старикъ. Постепенно каждый день работа поднималась, и, наконецъ съ каждой стороны Христа стояли апостолы Петръ и Павелъ. Когда все было окончено, старикъ повисилъ групу на дерево и подъ ней сдѣлалъ слѣдующую надпись: «Помните о несчастныхъ и обездоленныхъ». Нелегко далась старнику эта группа, она надъ ней проработалъ нѣсколько недѣль! но и молодой пастушечъ не сидѣлъ сложа руки! онъ обложилъ ручеекъ камнями и песочкомъ, расширилъ отверстіе, изъ котораго вода теперь шла очень тонкой струйкой; теперь странникъ могъ нагнуться и черпнуть воды, не замочивъ себѣ ногъ, но это стоило мальчику большаго труда; никто не благодарилъ его за его стараніе, но съ какой радостью онъ сѣдизъ за утомленными странниками, которые съ наслажденіемъ пили чистую, студеную воду и благословляли того, кто подумалъ объ алчущихъ; иногда путешественникъ бросалъ монетку въ кружку, повисшую на деревѣ, но мальчикъ этихъ денегъ никогда не видѣлъ; каждую субботу приходилъ старикъ и забиралъ ихъ, не удавивъ мальчику ни одной мѣдной монетки. Какъ то старикъ Петръ и пастушечъ Гансъ сидѣли по обыкновенію подъ деревомъ; былъ яркій июньскій день, лучи лѣтняго солнца играли въ прозрачныхъ водахъ ручейка, птицы перелетали съ вѣтки на вѣтку. Козы, скрывшись въ лѣсной чащѣ щипали молодые листики съ деревьевъ. Старикъ и пастухъ, истомленные зноемъ, дремали, слегка покачивая головами.

— Посмотри, дѣдушка, сказалъ мальчикъ встрепенувшись, смотри: къ намъ приближается два человѣка, какія у нихъ свѣтлыя одѣянія, какое сіяніе окружаетъ ихъ головы!

— Глухой мальчикъ! какое тамъ сіяніе, тебя ослѣпляютъ лучи солнца! пророчавалъ старикъ и снова задремалъ. Пастушка тоже клонилъ ко сну, онъ еще разъ взглянулъ на странныхъ путниковъ, его отяжѣвшія вѣки закрылись, головка опустилась на грудь онъ сладко заснулъ.

По луку, дѣйствительно, ямъ два человека, въ длинныхъ широкихъ одѣяніяхъ, какія носить священники.

— Господи! стоишь одинъ изъ нихъ, вытирая рукавомъ потъ, выступившій на лбу, Господи, отчего Ты меня не оставилъ дома? Путешествіе по землѣ не по силамъ такому старнику какъ я. Ахъ! когда я снова пояду къ себѣ, на свою скамейку, у воротъ, гдѣ такъ прохладно. Велибы у меня была такая обувь на ногахъ, какую носить крестьяне, а то, въ сандаляхъ, положительно не по силамъ ходить! это хорошо на берегахъ Иордана, но здѣсь, по каменистымъ склонамъ горы ходить невозможно; солнце нещадно палитъ, жажда мучитъ меня, языкъ положительно прилипъ къ гортани. Господи, сдѣлай такъ, чтобы изъ камней близъ ручейка я умираю отъ жажды.

— Подожди Петръ, имѣй терпѣніе, скажи ему его Спутникъ, который былъ на цѣлую голову выше Петра; Его темно-русые кудри спускались на плечи, улыбка играла на Его устахъ, короткіе голубые глаза были устремлены вдаль.

Тамъ, по ту сторону дороги, спитъ два человека, въ тѣни груши, около нихъ струится ручеекъ, прибавилъ Онъ, положивъ руку Петру на плечо.

Спутники поспѣшно направились къ ручейку. Наконецъ, они подошли къ спящимъ людямъ, около которыхъ весело журчалъ ручеекъ.

Старикъ нагнулся и съ жадностью сталъ

Лейтенантъ Л. В. Вахтинъ, контуженный въ Портъ-Артурѣ на Золотой горѣ.

пить студеную воду. Тотъ, котораго онъ называлъ Господомъ, тоже утолилъ свою жажду.

— Петръ, оживившись, сталъ осматривать мѣстность.

— Смотри, Господи,—закричалъ онъ, указывая на расщелию, высѣенную на деревѣ. Посмотри! Люди чтутъ Тебя и сдѣлаютъ Тебѣ! они вырѣзали на деревѣ Твое изображеніе, а направо, съ мечемъ въ рукахъ, идишь, это я, сомнѣнія нѣтъ, что это я!

Господь указалъ на скульптора, сладко спавшаго подъ грушей, и сказалъ:

— Вотъ этотъ сдѣлалъ Распятіе, а маленький мальчикъ занялся скромнымъ дѣломъ: онъ вырѣзалъ ручеекъ, который утолитъ нашу жажду. Даруй старнику, что пожелаетъ, а я награжу мальчишку.

— Аммины!—сказалъ Петръ, наклонивъ

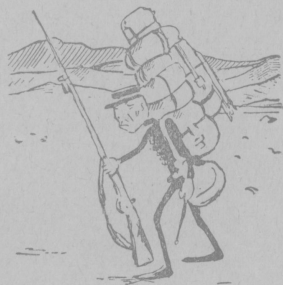
Гошихито Гарунайя, японскій наслѣдный принцъ.

голову, и, говоря это, онъ вытащилъ изъ кармана своей бѣлой одежды золотой ключъ. Молча онъ дотронулся этимъ ключомъ до сучковатой палки старика, которая моментально превратилась въ слитокъ золота.

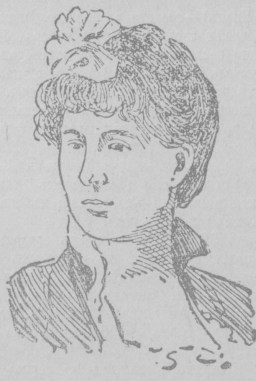
Господь наклонился надъ заснувшимъ пастушечкомъ и дунулъ ему въ лицо; затѣмъ, сдѣлавъ знакъ старнику, чтобы онъ за нимъ слѣдовалъ, направился къ лѣсу.

— Что Ты даровать мальчику?—спросилъ Петръ, смотря съ изумленіемъ на своего Спутника.

— Я благословилъ его, отвѣтилъ кротко Господь. Я укрѣпилъ въ немъ стремленіе дѣлать добро.

Инонѣ тяжело подъ бременемъ цивилизаціи.

М. А. Жукова, высшая знамя во время бомбардировки изъ разрушеннаго дома во Владивостокѣ.

Японская газета.

Ознакомившись съ японскимъ толстымъ журналомъ, сотрудникъ «Руси» попросилъ своего собесѣдника, ученаго японца, познакомиться его подробно съ японской газетой.

— Если такъ жива и подвижна, такъ отзывчива и демократична японская журнальная пресса, то какова должна быть газетная пресса?..

— Она обогнала въ этомъ отношеніи даже американскую печать. Да вотъ, вы сами увидите. Проанализируемъ этотъ номеръ «Дзи-Дзи», такъ же, какъ третьяго дня анатомировали «Солнце».

Мы разложили громадный номеръ въ 20 страницъ газетнаго формата. Ишь при томъ колоссальномъ распространеніи, какое имѣетъ «Дзи-Дзи», можно продавать

долое поневолю измѣнить тактику, обдумавъ нуть имъ раньше.

Впрочемъ, не однихъ личныхъ заслугъ редактора «Дзи-Дзи», имя и прочное положеніе газетъ дать отецъ нынѣшняго редактора Фукузава, личность выдающаяся по той роли, которую ему пришлось сыграть въ исторіи европеизаціи Японіи.

Однако, приступимъ къ анализу газетъ. Вотъ первый листъ (какъ и книги, газеты листуются справа налѣво), гдѣ въ верхнемъ правомъ углу, сбоку, приоткрыто названіе газеты. Среди массы объявленій оно весьма затерялось, это заглавіе. Да и напечатано оно ничуть не отчетливѣе, чѣмъ весь остальной номеръ,—сбитый шрифтъ, тусклая краска и сѣровая низкопробная бумага не дѣлаютъ вышности «Дзи-Дзи» заманчивой.

Но тусклость вышности облика вполне объяснима и оправдываема. Напечатано 1,000,000 отписокъ съ одного набора, хотя бы и съ нѣсколькихъ стереотиповъ—задача не легкая,—появлять шрифтъ себѣ и краску помернѣе.

Итакъ, прежде всего бросаются въ глаза объявленія. О нихъ и поговоримъ.

Въ Японіи—крикливая, суетливая, бѣсная на рекламу, жизнь. Вотъ почему, несмотря на дороговизну объявленій, купцы не скупились на нихъ. На первой страницѣ платятъ по 50 коп., на остальныхъ—по 25 коп. за строку, вдвое короче нашей.

О чѣмъ только не объявляютъ! Вотъ объявленіе о капляхъ для желудка, которая приводитъ въ игривое расположеніе духа.

Всѣ въ Японіи понимаютъ, что это за «капли». Это скрабеныя карточки, на которыхъ такъ падали японцы, а въ особенности иностранцы-путешественники.

Вотъ въ черныхъ траурныхъ рамкахъ... вы думаете «покойники»?... Нѣтъ, это адреса достойныхъ вниманія гейшъ.

Вотъ этотъ столбчикъ дѣлькомъ занятъ объявленіями въ одну строчку:

«28 лѣтъ, безъ денегъ, умѣю торговать, хочу жениться, не старше 22 лѣтъ. Условія въ редакціи».

«Товарищи рекомендуютъ такого-то, приличнаго молодого человѣка, 27 лѣтъ, желающаго жениться. Предложенія и фотографіи присылать по слѣдующему адресу».

«Хочу жениться въ первыя часы года понобря. Имѣю аттестатъ отъ торговои фирмы»... и т. д.

Зато объявленія о кухаркахъ отсутствуютъ. Для нихъ и дженерикшей такса высока.

А вотъ это—театральныя объявленія. Написаны они въ рекламно-завывающемъ тонѣ, какъ у насъ въ опереткѣ.

«Большой успѣхъ! Безпрерывный смѣхъ! Съ куплетами, пародіями, имитациями! Ново! Оригинально!»

Особенно рекламируется передѣланный для сцены романъ Марка Твена «Прищипы и щипцы».

Много объявленій начинающихся словами «На случай войны»...

Вѣдь передъ нами лежитъ номеръ, который вышелъ за 4 дня до начала военныхъ дѣйствій.

На первой страницѣ пусто отъ объявленій мѣсто занимаетъ мелкими печатными буквами корреспонденціями, чтобы не отвлекать отъ объявленія.

Дальше идетъ *передовая статья*.

Въ ней авторитетно доказывается, что, въ виду серьезности наступающаго момента, нужно поступить личными самодельными и сплотиться въ организацію, безъ учредно стойкую и стройную. Въ этой организаціи «сучкомъ» былъ бы нынѣшній министръ финансовъ г-ръ Иноуэ. Для мѣсяца времени это имѣетъ порядочный министръ. Пороха онъ не выдумаетъ, но для мѣсяца времени и не нуженъ порошекъ. Для военнаго же времени онъ прямо вреденъ со своимъ нерыбительностью и медлительностью. Необходимо его смѣнить и на его мѣсто поставить графа Матсукага. Врядъ ли въ вѣдѣнныхъ рукахъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Необходимо отдѣлать этотъ портфель маркизу Ито.

«Если мой советъ примутъ, я могу сказать, что народъ согласенъ на войну», заканчиваетъ статью передовикъ.

И что же?.. Мы знаемъ, что оба совѣта эти уже приняты.

Правда, у г-ра Иноуэ не опять портфель министра финансовъ, но надъ нимъ поставленъ въ роли сверхъ министра графъ

